

УДК 32(07):339.9

Валова М.Д.

Тернистый путь Евразии: от скифского союза к единому экономическому пространству

Валова Мария Дмитриевна, доктор экономических наук, профессор Российской академии государственной службы при Президенте Российской Федерации

E-mail: ecss@mail.ru

Статья представляет собой взгляд на формирование и эволюцию как единого евразийского геопространства, так и концепта «евразийская идея». Содержание современной евразийской концепции рассматривается в контексте субрегиональной экономической интеграции и ключевого геостратегического положения постсоветской России как евразийской державы.

Ключевые слова: Евразия, евразийская идея, классическое евразийство, современная евразийская концепция, постсоветское пространство, СНГ, ЕС, ЕврАзЭС, интеграционные механизмы.

Сегодня слово Евразия стало исключительно популярным, даже модным. С одной стороны, это отражение неподдельного интереса к идее евразийства, признание перспективности, состоятельности, значимости опирающихся на нее современных интеграционных проектов. Но с другой стороны, евразийские идеи, к сожалению, порой становятся предметом откровенных спекуляций¹, когда красивой идеей прикрываются корыстные политические интересы.

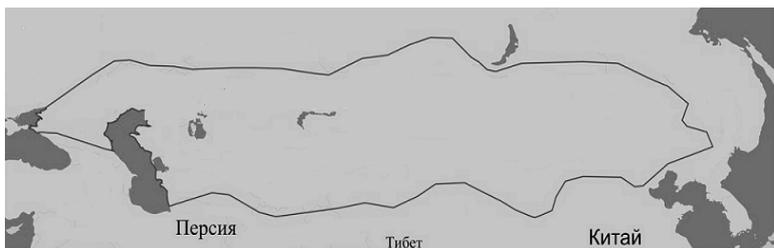

Рис. 1. Границы Великого тюркского каганата в VI в.

Рис. 2. Монгольская империя (выделена светло-серым) и Византия (выделена черным) в 1288 г.

Народы Евразии неоднократно создавали различные объединения. Еще до нашей эры существовал скифско-скифский союз, который объединял Евразию, потом он уступил место Великому тюркскому каганату, существовавшему в VI–VII в. н. э. и охватившему земли от Желтого моря до Черного. На смену тюркам пришли из Сибири монголы во главе с Чингисханом. Затем инициативу взяла на себя Россия: с XV в. русские двинулись на восток и вышли к Тихому океану. Российская империя выступила, таким образом, «наследницей» Тюркского каганата и Монгольской империи, и, в свою очередь, уступила место Советскому Союзу.

Как отмечал Л.Гумилев, объединенной Евразии во главе с Россией традиционно противостояли:

¹ См., напр.: Умланд А. Постсоветские правоэкстремистские контрэлиты и их влияние в современной России // Неприкосновенный запас. 2008. № 1(57).

на Западе – католическая Европа, на Дальнем Востоке – Китай, на Юге – мусульманский мир¹, и разъединиться в условиях Евразии значило поставить себя в зависимость от соседей, далеко не всегда бескорыстных и милостивых.

За время долгого совместного проживания у народов Евразии выработались общие обычаи, стереотипы поведения, некая **общность** духовных, культурных ценностей, вдохновившая в начале XX века молодых русских эмигрантов на выработку евразийской объединительной идеи.

Первые евразийцы определили контуры Евразии, которые до сих пор сторонниками евразийства считаются неизменными. По их мнению, Евразия простирается от Хингана до Карпат, с юга она обрамлена полосой пустынь и неприступных Памира, Тянь-Шаня и Гималаев, с севера Ледовитым океаном, с запада ее граница проходит по позитивной изотерме января.

Первые евразийцы руководствовались прежде всего политическими соображениями. Им надо было дать альтернативное большевистской идеологии объяснение тому, почему, во-первых, свершилась революция, во-вторых, почему после крушения возродилась Российская империя – беспрецедентный случай в истории человечества. История не знает другого факта крушения, а затем возрождения многонациональных империй.

Почему составляющие ее народы предпочли дарованной независимости Советский Союз? Евразийцы видели объяснение – в евразийской общности. И потому фундаментом возрождения Российской империи они сочли географические, психологические, или, как сейчас принято говорить, ментальные, культурологические факторы, присущие Евразии.

«Классическое евразийство» рождалось, прежде всего, как течение русской политической мысли, которая трактовала в качестве геополитической стратегии России сохранение контроля над всеми частями Российской империи. Да, политическая программа первых евразийцев имела ярко выраженную имперско-этатистскую и религиозную основу и не предполагала появления на евразийском пространстве нескольких суверенных государств как равноправных членов мирового сообщества.

Тем не менее, в евразийском учении содержится немало свежих и плодотворных идей, которые оказались востребованными в современных условиях, когда крушение СССР и формирование СНГ, с одной стороны, означали конец «имперской» объединительной модели, и поиск новой модели интеграции на основе добровольности, равноправия и независимости. В этих условиях евразийское учение, которое новаторски поставило проблему соотношения Европы и Азии, «тюркского» и «славянского» блока, обретает новое дыхание.

Именно потому на волне крушения Советского Союза возник интерес к давно, казалось бы, забытому евразийскому учению, поскольку оно, при всей его противоречивости, оказалось сегодня единственным, которое все-таки может предложить реальную объединительную гуманитарную доминанту.

Современная евразийская концепция строится на общеметодологическом принципе мультилинейности социально-исторического процесса.

Приходится признать, что сегодня ценой обретения независимости стран СНГ стала утрата многих традиционных уз, извечно объединявших наши народы. Самостоятельная экономическая политика, национальные валюты, пограничные и таможенные посты и иные естественные атрибуты существования независимого государства, в возможность которых 19 лет назад никто не верил, сегодня стали реальностью. Да, это атрибуты суверенитета, но суверенитета образца середины прошлого века. Сегодня этих атрибутов нет у многих государств, чью независимость и политический суверенитет никто не ставит под сомнение. Речь, прежде всего, о странах Европейского союза, модель которого оказалась столь привлекательной, что процессу его расширения не видно конца.

Под знаком переосмысления евразийской идеи прошли последние годы второго тысячелетия и первое десятилетие нового. Рассматривая современные евразийские концепции, следует отметить, что они ныне используются применительно к двум геополитическим реалиям – непосредственно к самой России, остающейся Евразией в узком смысле этого слова, многонациональной, многорасовой, многорелигиозной страной, и к традиционной Евразии – постсоветскому пространству. Но контуры современной Евразии, нельзя ограничить только границами новых независимых государств, возникших на пространстве бывшего СССР.

Сегодня понятие Евразия можно рассматривать в нескольких измерениях:

Во-первых, – это Евразийское экономическое сообщество и Единое экономическое пространство, которое является результатом разноскоростной интеграции в рамках СНГ;

Во-вторых, – это Содружество Независимых Государств, 19-летие которого отмечается в этом году, а с учетом Балтии – территория постсоветского пространства.

В-третьих, – некая общность различных стран Европы и Азии, находящихся на континенте Евразия.

Евразийская идея неизбежно всплывает в любых спорах о будущем и России, и ее соседей. Надо признать, что наше Содружество, увы, в том виде, как оно замышлялось, не состоялось. Оно не стало эффективно действующим интеграционным объединением, не приобрело поступательной динамики развития.

Предшествующий период показал, что в значительной степени Содружество двигали к интеграции

¹ Гумилев Л.Н. От Руси к России: очерки этнической истории. М., Экспресс, 1994.

ложные стимулы, прежде всего, политические, а не экономические. Процесс интеграции был во многом искусственно подчинен сиюминутным реалиям постсоветских стран. Предпосылкой же к реальной интеграции должно быть осознание ее экономической целесообразности для всех участников, подтвержденной соответствующими серьезными исследованиями.

К середине 1990-х годов была разработана и начала реализовываться концепция «разноскоростной интеграции», в соответствии с которой каждый из этапов интеграции (зона свободной торговли, Таможенный союз и т.д.) первоначально охватит лишь несколько наиболее подготовленных стран Содружества, к которым постепенно, по мере готовности будут подключаться и другие. Началось формирование субрегиональных объединений, в рамках которых между странами-участницами устанавливается более тесное взаимодействие, чем в СНГ в целом.

Этот принцип давно уже применяется в рамках Европейского союза, под многими важными решениями которого участники подписывались отнюдь не единогласно. Так, Маастрихтский договор, хотя и ратифицирован всеми двенадцатью странами, тем не менее допускает серьезные изъятия для Великобритании и Дании в отношении перехода к единой валюте. «Социальная хартия» ЕС, определяющая минимум социальных гарантий трудящихся, в момент ее подписания была проигнорирована Великобританией. Некоторые страны не участвуют в отдельных интеграционных механизмах не из-за «политического» их неприятия, а в силу отсутствия реальных экономических условий. Так, долгое время Ирландия, Испания, Греция и Португалия имели возможность сохранять ограничения на свободу движения капиталов, хотя остальные страны ЕС их отменили. Экономический и валютный союз также создан в составе только 11 из 15 государств ЕС.

Некоторые интеграционные механизмы вообще зарождались как двухсторонние инициативы. Например, франко-германский военный корпус, в определенной степени проложивший дорогу к формированию общей политики ЕС в вопросах безопасности. Другие инициативы выдвигались группой стран, например, Шенгенское соглашение об отмене пограничного контроля. Интеграционные мероприятия в рамках ЕС не всегда точно соответствуют географическим рамкам сообщества, что не мешает реализации основного принципа – интеграция носит добровольный характер, и в ней участвуют только те, кто реально готов к ней.

Рис. 3. Евразийское экономическое сообщество. Темно-серым цветом выделены государства – члены ЕврАзЭС: Россия, Белоруссия, Казахстан, Киргизия, Таджикистан, Узбекистан (членство приостановлено в 2008 г.); светло-серым цветом выделены государства – наблюдатели: Армения, Молдавия, Украина

Примером разноскоростной интеграции в СНГ является ЕврАзЭС, куда входят государства, прямо заинтересованные в создании Таможенного союза. Но в рамках ЕврАзЭС есть твердое ядро, более готовое к формированию Таможенного союза Россия – Беларусь – Казахстан. Этими государствами 27 ноября 2009 г. были делегированы комиссии Таможенного союза определенные наднациональные полномочия, а с июля 2010 г. Таможенный союз начал существовать. Учитывая, что предтечей ЕС был «Союз угля и стали», это дает весьма серьезные основания для надежд на усиление дальнейшей интеграции наших стран.

Итоги последнего саммита ясно показали, что имеется потенциал не только для преодоления существующих разногласий, но и для развития механизмов тесного сотрудничества стран-участниц. В этом отношении любопытно заметить, что многие западные СМИ в преддверии саммита с

надежной прогнозировали его возможное фиаско, акцентируя внимание на существующих противоречиях, и отнюдь не были рады его результатам.

Как видим, сложные процессы, происходящие на евразийском пространстве, их последствия и перспективы развития общемировых и национальных проблем вновь находят свое отражение в различных вариантах концепции евразийского единства. Последователи и противники этой идеи есть во всех странах.

Последнее десятилетие XX и первые годы XXI века явились для постсоветских стран серьезным историческим уроком. Рыночный романтизм сменился пониманием необходимости жестко регулирующей роли государства в процессе либерализации экономики. Стало также очевидным, что европейский дом никого не ждет, а разобщенность, и, следовательно, слабость новых государств лишь на руку крупным

геополитическим игрокам.

Определенная часть ученых по-прежнему убеждена в непримиримом противоречии России с Западом и ее лидером в лице США. Другое крыло признает возможность геополитического компромисса с Западной Европой при условии ее переориентации на антиамериканские позиции.

Говоря о России, приходится констатировать, что спор между «западниками» и «славянофилами», в определенной степени способствовавший рождению евразийства, продолжается и в современной России. При этом он приобрел новые грани. К чему должна тяготеть современная Россия, перестав быть империей? Каковы ее интересы на постсоветском пространстве? Этот спор представляет интерес не только для самой России, но и для ее ближайших соседей.

Занимая стратегическое положение между Востоком и Западом, Россия постоянно сталкивается с необходимостью поиска нового баланса между западным и восточным импульсами. Кроме того, и само время – новое тысячелетие – начало диктовать новые подходы к определению места страны в современном мире.

Путь к обретению новой евразийской общности будет нелегким. Евразийское сотрудничество будет прочным и устойчивым только при условии баланса интересов всех евразийских народов, равной ответственности за экономическое, социальное, культурное кратко развитие Евразии. Процесс трансформации в интеграционные объединения исключительно сложен, поскольку затрагивает практически все стороны жизни людей. И вместе с тем этому процессу нет альтернативы.

Сегодня евразийские идеи услышаны и востребованы всеми народами, населяющими наш континент. Подлинная Евразия – мозаика разных миров, Евразией сегодня стали Византия и когда-то воевавший против нее мир ислама, великая татаро-монгольская империя и наследовавшие ей империя российская и Советский Союз, а, кроме того, Египет и Святая земля, древние Ассирия, Вавилон, Персия, Индия, Китай, Япония... Все они – Евразия, прародительница большинства древнейших цивилизаций, всех языков, всех мировых религий.

* * *

Судьба Евразии далека еще до своего звездного часа.

Мир заплатил страшную цену за возрождение европейского единства. Двадцатый век, ставший апофеозом кровавых конфликтов и междоусобиц, одновременно положил конец европейским раздорам.

На авансцену выходит Евразия. Это отчетливо понимают и многие западные политологи. Американский политолог Н.Спайкмен говорил: «Кто контролирует Евразию, тот контролирует судьбы всего мира»¹.

Евразия – главный геополитический приз для Америки, утверждает З.Бжезинский² и призывает Соединенные Штаты использовать свое военное, экономическое, культурное преимущество для удержания контроля над Евразией. Однако его концепция – не что иное, как отголосок холодной войны, нежелание признавать многополярность мира.

Но последние годы показали, что Евразия – не плацдарм, а самостоятельный, ключевой регион мировой политики. Если раньше Евразия казалась замкнутым сухопутным континентом, удаленным от основных мировых путей и коммуникаций, то отныне она становится ключевым элементом геополитики. Сегодня она может реально обеспечивать динамику мирового экономического развития за счет обеспечения органичного взаимодействия потенциалов Запада и Востока. Думается, что будущее Евразии – в руках населяющих ее народов, которые вряд ли согласятся играть роль шахматной доски для сторонних игроков...

ЛИТЕРАТУРА

1. Бжезинский З. Великая шахматная доска: Господство Америки и его геостратегические императивы. М.: Междунар. отношения, 1998.
2. Валовая М.Д. Политика. М.: Магистр, 2008.
3. Гумилев Л.Н. От Руси к России: очерки этнической истории. М.: Экспресс, 1994.
4. Иванов А.В., Попков Ю.В., Тюгашев Е.А., Шишин М. Ю. Евразийство: Ключевые идеи, ценности, политические приоритеты Барнаул: Изд-во АГАУ, 2007.
5. К истории евразийства. 1922–1924 // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв.: Альманах. М.: Студия ТРИТЭ; Рос. Архив, 1994. Т. V.
6. Классика геополитики, XX век: Сб. М.: ООО «Издательство АСТ», 2003.
7. Россия между Европой и Азией. М.: Наука, 1994.
8. Савицкий П.Н. Континент Евразия. М.: Аграф, 1997.
9. Уmland А. Постсоветские правозэкстремистские контрэлиты и их влияние в современной России // Неприкосновенный запас. 2008. № 1(57).
10. Хачатурян В. Истоки и рождение евразийской идеи // Искусство и цивилизационная идентичность. М.: Наука, 2007.
11. Spykman N. The Geography of the Peace. Harcourt Brace, N.Y., 1944.
12. Stiglitz J.E. Globalization and Its Discontents. N.Y., Penguin Books, 2002.

¹ Spykman N. The Geography of the Peace. Harcourt Brace, N.Y., 1944. P. 44.

² См.: Бжезинский З. Великая шахматная доска: Господство Америки и его геостратегические императивы. М.: Междунар. отношения, 1998.